

Guinot J.-N. Théodoret de Cyr. Exégète et théologien. Vol. 1–2. Paris : Les éditions du Cerf, 2012. 507+526 p.

В парижском издательстве «Cerf» вышел двухтомный труд специалиста по греческой патристике и экзегетике с мировым именем — Жака-Ноэля Гино. Двухтомник посвящен главному герою научных исследований автора, одному из наиболее ярких представителей антиохийской богословской школы древности — Феодориту Кирскому. В свое время Гино посвятил ему, точнее его экзегетике, фундаментальную монографию «Экзегеза Феодорита Кирского» (Paris: Beauchesne, 1995), а также подготовил критическое трехтомное издание толкований на пророка Исайю в серии «Христианские источники» (SC № 276, 295, 315), выходящей в одноименном институте в Лионе, руководителем которой автор был некоторое время (1994–2006). Таким образом, читатель имеет возможность познакомиться с результатами многолетних специальных исследований богословия и экзегетики Феодорита, принадлежащих ученому, научная деятельность которого в целом посвящена именно этому древнему писателю и эпохе современного ему несторианского кризиса и первого этапа монофизитского конфликта. Настоящим изданием Гино ознаменовал свой выход на пенсию, и хотя он продолжает активную научную деятельность, оно в целом подводит итог его изучению кирского епископа¹.

Двухтомник содержит 39 самостоятельных статей, большей частью опубликованных автором за последние четверть века. В пропорциональном отношении представленные здесь тексты составляют половину основной библиографии автора. Первый том имеет подзаголовок: «Последний экзегет антиохийской школы в V веке» и посвящен общим и частным вопросам контекста патристической герменевтики, различным методикам толкования Писания и возникающим в связи с этим различным богословским и историческим вопросам. Второй том рассматривает Феодорита как богослова и церковного деятеля и имеет подзаголовок: «Богослов, вовлеченный в несторианский конфликт (431–451)». Здесь Феодорит рассматривается в контексте христианской апологетики и богословской полемики эпохи и, что весьма существенно, оценивается его вклад в православно-христологию.

¹ Во введении (с. 3) Гино упоминает один интересный биографический факт, который красноречиво характеризует современную католическую и французскую, в частности, историческую науку как единый широкий фронт общего дела со своими генеральными задачами и определенной последовательностью реализации общепринятой стратегии. Старший коллега Гино, один из основателей серии «Христианские источники», много лет исполнявший обязанности главного редактора, Клод Мондзэр первоначально вовлек его в проект подготовки к изданию «Апологетического слова» (Ог. 2) свт. Григория Богослова, однако, по какому-то недоразумению, пока Гино собирал материалы для этого издания в двухлетней командировке при Монреальском университете, перепоручил проект другим исследователям. Чтобы как-то исправить произведенное в молодом исследователе замешательство, Мондзэр предложил ему заняться толкованиями Феодорита Кирского на Исайю. Таким образом, решилась научная судьба нашего автора, ставшего наряду с Марселем Ришаром, Иваном Азема и Пьером Каниве главным специалистом по Феодориту и его богословской эпохе.

Главный замысел первого тома заключается в том, чтобы рассмотреть грандиозную экзегетическую программу Феодорита, осуществленную с большим успехом (случай почти уникальный для греческой патристики, когда один автор сумел истолковать практически все книги Ветхого Завета и корпус книг Нового в составе Павловых посланий; более того, практически всё экзегетическое наследие Феодорита дошло до нас в достаточно хорошей сохранности), как фундаментальный библейский аргумент в пользу антиохийского богословия.

Первый раздел первого тома служит введением в экзегетическую практику Феодорита. Значительное место здесь отводится разностороннему анализу герменевтического наследия Оригена, которое от обратного сыграло конститутивную роль для оформления антиохийской экзегетической традиции, завершением которой и оказывается главный герой книги. Отрицательная реакция на Оригена представителей антиохийского богословия варьируется от крайне резкой критики, например в лице Евстафия Антиохийского и Епифания Кипрского, напрямую выводивших из экзегезы Оригена все возможные еретические заблуждения, до сдержанной, представленной, в частности, свт. Иоанном Златоустом и блж. Феодоритом, в особенности в ранних толкованиях последнего на Песнь песней (ст. № 14). Поводом для нападок служат две основные особенности богословия Оригена, как оно воспринималось его критиками: сближение феномена библейского повествования с языческим мифом и поглощение аллегорическим толкованием Библии всех других возможных типов прочтения и понимания текста. Гино внимательно отслеживает, насколько справедливы эти доводы, и убедительно показывает, что критика тенденциозна и часто несправедлива: Ориген принципиально различал фактуальность библейского свидетельства и фиктивность языческой мифологии; его аллегорическая методология была гораздо богаче, чем это показано в трудах ранних антиохийцев. Оно, с одной стороны, включает в себя неременное признание ближайшего библейского смысла, а с другой — во многих случаях доходит до той разновидности иносказательного метода, который антиохийцы через сто лет после смерти александрийского богослова будут называть типологическим и активно применять в своих толкованиях.

Стоит упомянуть о некоторых экзегетических принципах Феодорита. Он следует православной концепции богодухновенности Писания, одним из следствий чего является принцип *симфонии* Писания (согласие, единство библейского корпуса). Причем *симфония* выявляется Феодоритом не только на уровне сквозного текста Писания, но и между различными греческими переводами, которыми он активно пользуется. Сопряженным с этим понятием является принцип *последовательности*, или *внутренней связи*, *структуры* библейского текста (*ἀκολουθία*). В Писании Феодорит усматривает три главных смысла — буквальный (*πρόχειρος*), переносный (иносказание) и мистический (типология). Фигуративное толкование обусловлено характерным для Писания фигуральным, или иносказательным, способом выражения. Типологический метод и терминология у Феодорита развиты достаточно хорошо: *тип* — *антитип*, прообраз — исполнение, тень — истина — все это его активные экзегетические инструменты. Феодорит верен специфически антиохийской традиции исторической типоло-

гии, рассматривающей библейское откровение в тройной перспективе великих мировых эпох: пророчество — исполнение — будущий век.

Гино показывает, что Феодорит, будучи одним из последних великих экзегетов патристической эпохи, отличается мощным синтетическим характером, широко совмещая методы и приемы толкования, происходящие из разных, порою конкурирующих древних традиций. Как уже было сказано, Феодорит многим обязан в своих толкованиях на книги Ветхого Завета Оригену, несмотря на характерное для него как антиохийца противостояние александрийскому аллегоризму. Наряду с этим он весьма часто критически оценивает излишнюю, на его взгляд, приверженность своего предшественника по антиохийской школе Феодора Мопсуэстийского к исторической методологии и за его недооценку мессианского значения библейского текста. Именно эта склонность к синтезу обеспечила Феодориту ко времени патриарха Фотия репутацию одного из самых значительных экзегетов среди греческих христианских авторов. Однако она же в более позднюю эпоху уже научного изучения древнехристианского наследия заставляла исследователей видеть в нем больше эклектика, чем самостоятельного писателя.

Второй том содержит два неравных раздела: первый посвящен апологетике и полемике в наследии Феодорита (5 статей), второй — богословию и христологии на фоне несторианских споров (14 статей). Содержатся во втором томе и текстологические по своему содержанию статьи, в которых подробно обсуждается вопрос авторства отдельных текстов, время их написания и проч. Среди таких трактат «Изложение веры» (*Expositio fidei*), который до подтверждения подлинного авторства за Феодоритом, осуществленного благодаря исследованию Ж. Лебона в 1930 г., приписывался мч. Иустину Философу. Находит себе здесь место прежде неизвестное письмо Феодорита из Московского синодального собрания (Син. 509; Владимир 247). Оно публикуется по-гречески с французским переводом впервые.

Ряд статей содержат захватывающие наблюдения за многолетними, весьма простыми отношениями двух главных богословов эпохи — Феодорита и Кирилла. Гино рассматривает их столкновения под самыми разными углами — в прямых полемических выступлениях, в рецепции антиохийцами сочинений александрийского епископа, не имеющих непосредственного отношения к полемике, в неполемических подходах обоих богословов к одним и тем же предметам — в частности к толкованию библейских текстов. Гино показывает, что у почти непримиримых оппонентов не меньше общего и взаимного, нежели у каждого из них в отдельности с более древними авторами, основателями конкурирующих традиций — Оригена или Феодора.

Особенно важным материалом во всем сборнике представляется последняя, 39-я статья, посвященная масштабному обзору христологии Феодорита за 20 лет ее интенсивного развития от Эфеса до Халкидона. Гино обращает внимание на интересную композиционную строгость Феодорита при составлении всех своих догматических изложений: первый раздел всегда посвящается *теологии*, второй — *икономии*, и эти разделы отчетливо взаимодействуют. Феодорит строит свою христологию в строгом следовании результатам предыдущей богословской

эпохи — никейскому православию. Как показывает Гино, христологическая терминология Феодорита претерпела определенную эволюцию. Он начал с присутствующего антиохийскому богословию аналитического подхода в рассмотрении феномена единства природ во Христе, однако ни до, ни после осуждения Нестория никогда не воспроизводил радикальные несторианские тезисы. С началом полемики с Кириллом Феодорит уточняет свою христологическую аргументацию, постепенно вовлекая в нее все больше синтетических элементов и тем самым во многом закладывая терминологическое основание под халкидонское учение. Заметим в скобках, что такое диахроническое видение христологии Феодорита было присуще Н. Н. Глубоковскому, автору знаменитого двухтомника, посвященного кирскому епископу (1890), вызвавшее, как известно, интерес самых выдающихся патрологов той эпохи, в частности А. Гарнака. Однако Гино значительно расширяет аргументацию Глубоковского за счет привлечения новых текстов, подтвердивших свою принадлежность Феодориту, а также благодаря углублению анализа уже известных сочинений и комплексного обогащения знаний эпохи христологических споров.

Гино показывает, что вся грандиозная герменевтическая программа Феодорита следует сознательному замыслу: подвести библейское основание под антиохийскую христологию. Как показывает датировка экзегетических сочинений Феодорита, основная их часть была составлена в период между Эфесским собором (431) и так называемым Разбойничьим собором (449). И присущая Феодориту динамика в развитии христологических средств вполне отразилась и здесь, а именно замещение конкретной терминологии для обозначения природ абстрактной, затем постепенное ограничение в использовании абстрактных аналитических выражений и настойчивое подчеркивание единства Лица (излюбленный поначалу термин *συνάφεια* безоговорочно уступает место *ἕνωσις*). В одном из важных выводов Гино утверждает, что в ходе многолетнего спора Феодорита с Кириллом эволюция не сводилась лишь к христологической терминологии, но затронула и первоначальные христологические позиции Феодорита (с. 519). Кирский епископ предстает в изложении Гино выдающимся православным богословом, апологетом и экзегетом, одаренным редкостным даром инклюзивного мышления в сочетании с глубокой верностью своим церковным корням.

Практически все статьи, представленные в двухтомнике, отличает ясная и убедительная композиция: начинается рассуждение с введения (постановки проблемы), намечающего дальнейшее развитие текста, основное содержание подробнейшим образом раскрывает тему, и завершается публикация внятным выводом, подводящим итог исследованию. Таким образом, отчетливо видно, что автор работает в рамках исторической теологии, одним из требований которой является соблюдение двойной исторической контекстуальности — предметной и исследовательской.

Одна из статей сборника вполне отчетливо реализует ключевой постулат исторической теологии — давать пищу не только для исторических исследований, но работать на разрешение современных церковных проблем. Так, 36-я статья «Восстановление единства после разрыва: Кирилл Александрийский

и Феодорит Кирский как модели для межцерковного диалога» явно разворачивает выводы в современный церковный контекст. Авторское заключение по этому поводу звучит так: «...истинное единство невозможно без наличия различий и их признания» (с. 397), ведь одни и те же слова не выражают непременно одни и те же понятия; по-разному они свидетельствуют об одной и той же вере.

И если предметный контекст соблюдается автором неукоснительно, а именно изучаемый древний материал рассматривается порой в мельчайших подробностях его исторического и идейного фона, то исследовательский контекст часто ограничивается лишь академическими рамками, почти не обременяя исследователя артикуляцией теологической актуальности той или иной проблемы. Подобное явление можно считать едва ли не преобладающим подходом уже не одно десятилетие в церковно-исторических исследованиях; оно отвечает логике нарастающей интенсивности научных исследований. Переход за рамки академической специализации вызывает опасения в профанации научности как таковой. Однако впечатление некоторой академической изолированности корректируется, если рассматривать настоящий двухтомник Гино в прямой связи с его *opus magnum* — монографией 1995 г., посвященной экзегетике Феодорита (см. выше), в которой богословская актуальность была сформулирована сполна. Да и вышла та книга в известной серии «Историческая теология» издательства «Босшен». Настоящий двухтомник служит развернутыми *supplementa* к той монографии, наполняя некоторые прежде только намеченные очертания уже созданного образа Феодорита. И для специалистов, занимающихся вопросами патристической экзегезы и, шире, древним христианским богословием, издание может оказаться весьма щедрым источником самых разнообразных и вместе конкретных сведений, глубоких наблюдений и широких выводов.

Петр Борисович Михайлов

(канд. филос. наук, ПСТГУ, locuspetri@rambler.ru)

Acta conciliorum œcumenicorum. Series secunda / E. Lamberz, Hrsg. B.: Walter de Gruyter, 2008. Vol. 3. Ps. 1; 2012. Vol. 3. Ps. 2.

Первая серия критического издания деяний Вселенских соборов (*Acta Conciliorum Œcumenicorum*) была опубликована Э. Швартцем еще в период с 1914 по 1940 г. Й. Штрауб издал последний том серии в 1971 г., а Р. Шиффер выпустил индекс к первой серии в 1973 г. За это время в серии появилось четыре книги, содержащие документы III, IV и V Вселенских соборов: в первой книге содержатся пять томов (13 частей) документов III Вселенского собора; во второй книге — шесть томов (11 частей) документов IV Вселенского собора; третья книга состоит из одного тома, в котором опубликованы документы Константинопольского собора 543 г. и Иерусалимского собора 536 г.; в четвертой книге — два тома деяний V Вселенского собора и один том с индексами ко всей первой серии, состоящий из трех частей.